

I

Зачем меня понесло в Африку? Сразу на этот вопрос и не ответишь. Просто с каждым днем жизнь становилась сложнее и сложнее, и наконец все совершенно запуталось. Покупая билет на самолет, я подумал о своих пятидесяти пяти годах, и меня охватила тоска — такая, что сдавило грудь... Потом началась сумасшедшая предотъездная гонка. Надо было навестить родителей, обеих жен, любовниц, детей, надо было побывать на ферме, позаботиться о четвероногих. И конечно же, мои привычки, мои деньги, мои занятия музыкой, мои зубы, мои предрассудки, мое пьянство и — главное — моя душа! Хотелось крикнуть: «Оставьте меня в покое!» Но как они могут оставить меня в покое? Они принадлежат мне. Они мои. Они громоздятся вокруг меня, и жизнь превращается в хаос. И тем не менее мир, который я всегда считал угнетателем человека, не обрушил на меня своего гнева.

Чтобы все-таки объяснить, почему я отправился в Африку, мне придется изложить некоторые факты. Начну с самого простого и понятного — с денег. Я человек богатый. Унаследовал от своего старика три миллиона чистыми, после уплаты на-

логов. Но проблема в том, что я считаю себя бродягой-прохиндеем, словом, последней задницей, и на то есть веские причины. Главная состоит в том, что я жил всегда как бродяга, прохиндей и последняя задница. Когда же становилось невмоготу, я заглядывал в книги, надеясь найти успокоительный совет, и вот однажды вычитал: «Неизбывно прощение грехов наших, оно не требует ни благочестия, ни добродетели». Высказывание так поразило меня, что несколько дней я мысленно его твердил. Я не запомнил, в какой книге на него наткнулся. Отец собрал несколько тысяч томов, не считая тех, что написал сам. Я перебрал полсотни, но находил только деньги. У отца было обыкновение использовать в качестве закладок банкноты, какие случались в кармане, — пятерки, десятки, двадцатки. Попалось и несколько купюр тридцатилетней давности. Я был рад: они напоминали о прошлом. Запершись в библиотеке от детей, я залез на стремянку, листал и тряс том за томом, но на пол сыпались только деньги, деньги, деньги. Завета о вечном прощении я так и не нашел.

Следующий факт. Я — выпускник одного из университетов «Лиги Плюща». Не буду его называть, ни к чему бросать тень на альма-матер. Если бы я не носил фамилию Хендерсон и не был сыном своего отца, меня бы вышибли с первого курса.

Что еще? Роды у мамы были тяжелые. Я весил четырнадцать фунтов. Потом подрос. Сейчас мой рост — шесть футов четыре дюйма, вес — двести тридцать фунтов. Долговязый, нескладный,

с огромной головой и шевелюрой как каракуль. Длинный нос, глаза под приспущенными веками, которые не смотрят, а словно что-то высматривают. Развязные манеры. Нас, детей, в семье родилось трое, но выжил я один. У отца достало доброжелательности простить мне это, хотя я не был уверен, что он простил меня от чистого сердца.

Когда пришла пора жениться, я в угоду отцу выбрал девушку нашего круга — высокую, элегантную, красивую, длинноногую, с золотистыми волосами и великолепными задатками к деторождению. Надеюсь, никто из ее семьи не станет возражать, если я добавлю, что она еще и шизофреничка. Меня самого считают человеком со сдвигом, и правильно: я угрюмый, грубый, вспыльчивый, словом, все признаки психического расстройства. Судя по возрасту детей, мы были женаты около двадцати лет. Детей зовут Эдвард, Райси, Алиса. Имена еще двоих не помню. Господи, благослови их всех!

Я много и упорно работаю — на свой манер. Вообще-то труд — это мука, так что иногда напиваюсь, даже не дождавшись ленча. Вскоре после возвращения с войны (по возрасту меня признали негодным к строевой службе, но я поехал в Вашингтон и обивал пороги, пока не добился назначения в действующую армию) мы с Френсис развелись. После Дня Победы. Неужели так быстро? Не может быть! Пожалуй, в сорок восьмом. Так или иначе, она сейчас в Швейцарии, и с ней кто-то из наших детей. Понятия не имею, зачем ей там сын или дочь.

Я был рад разводу, открыл свежую страницу в жизни. Я уже выбрал новую женщину, и скоро мы поженились. Вторую мою жену зовут Лили, ее девичья фамилия Симмонс. У нас два сына-близнеца.

Сначала мы с Лили отлично ладили, однако потом все пошло наперекосяк, начались нервные срывы. Мы ссорились с Лили чаще и серьезнее, чем с первой женой. Френсис старалась не замечать моих выходок. Она была как возлюбленная Перси Биши Шелли: одинокая луна, светит, но не греет. А Лили легко вспыхивала жарким пламенем раздора. Я оскорблял ее на людях и крыл последними словами, когда мы оставались одни. Может быть, жизненные перемены к лучшему сказались на мне отрицательно, — я считал неурядицы нормой. То и дело ввязывался в драки в салунах вокруг моей фермы, а полиция запирала меня в камеру. Я кричал, что куплю их оптом или в розницу, и они показали бы мне, где раки зимуют, не будь я самой заметной фигурой в округе. Утром приходила Лили, вносила залог, и меня отпускали. Однажды я здорово поцапался с одним типом из-за лучшей моей свиноматки. Другой раз крупно повздорил с водителем снегоочистителя, который хотел, чтобы я уступил ему дорогу на Седьмом федеральном шоссе. Пару лет назад спьяну свалился с трактора и сломал ногу. Несколько месяцев я ковьялял на костылях, угрожая пристукнуть каждого встречного. Я злился, сыпал проклятьями, зловеще скалил зубы... Неудивительно, что никто не рисковал стать у меня на пути.

Лили любила устраивать чаепития для знакомых дам. Вообразите: стуча костылем, я вваливаюсь в гостиную в несвежих носках и красном вельветовом халате, который на радостях купил в Париже в тот день, когда Френсис объявила, что подает на развод, и в красной же шерстяной шапочке. Вытирая кулаком нос и тяжело шаркнув загипсованной ногой, протягиваю госте руку: «Позвольте представиться, я мистер Хендерсон... Как поживаете?» Потом подхожу к Лили и тоже представляюсь, как незнакомой. Удивленные дамы наверняка шептались: «Он думает, что женат на той, первой. Кошмар, правда?»

Потом Лили укоряла меня: «Джин, тебе не надоело ломать комедию? Чего ты добиваешься?»

Я, выставив зад, скреб загипсованной ногой по полу и пыхтел, изображая старенький паровоз: «Тук-тук, тук-тук».

Когда меня привезли из больницы в этой поганой гипсовой повязке, я случайно услышал, как Лили говорила кому-то по телефону: «Ничего особенного, очередной несчастный случай. Он у меня мужчина живучий». Живучий! Не знаю, радоваться мне или беситься.

Быть может, Лили хотела пошутить. Она вообще любит пошутить, а особенно по телефону.

Лили у меня крупная, живая женщина. Лицо у нее приятное, характер тоже. Нам с ней было совсем неплохо, а лучше всего в пору ее поздней беременности. Перед тем как уснуть, я растирал ей живот и грудь детским кремом. Розовые соски ста-

новились коричневыми, и я слышал, как в животе шевелятся малыши.

Массировал я осторожно, стараясь не сделать ей больно своими неуклюжими пальцами. Затем гасил свет, вытирал пальцы о волосы, мы целовались и засыпали, пропахшие детским кремом.

Потом начались ссоры. Замечание о моей живучести я истолковал в отрицательном для себя смысле, хотя и знал, что она не имела в виду ничего такого. И мне не нравилось, что она выставляет себя хозяйкой дома и истинной леди, потому как единственный наследник громкого имени и богатого поместья — бродяга, бездельник и последняя задница, а она никакая не леди, а просто-напросто моя жена.

Зимой мне стало совсем не по себе, и Лили предложила поехать туда, где тепло, например на побережье Мексиканского залива, где я мог бы помимо всего прочего всласть порыбачить. Кто-то из друзей подарил моим мальчикам по рогатке. Распаковывая на побережье свои вещи, я обнаружил у себя в чемодане рогатку. Вместо того чтобы ловить рыбу, я целыми днями стрелял из рогатки камнями по пустым бутылкам. Местные жители могли бы судачить обо мне так: «Видите этого здоровяка с огромной головой, носом как клюв у дятла и обвисшими усами? Его прапрадед был государственным секретарем, двоюродный дядя состоял на дипломатической службе, был послом в Англии и Франции, а его отец Уилл-Кру Хендерсон — знаменитый ученый. Это он написал ту книгу о еретиках-альбигойцах. Кстати, он водил дружбу с Уильямом Джеймсом и Генри Адамсом».

Так я и жил в курортном местечке на берегу Мексиканского залива, жил со второй женой, имеющей приятную наружность, рост под шесть футов и нервический характер, с ней и с сыновьями-близнецами. За завтраком вливал в кофе изрядную порцию бурбона из фляжки, а днем стрелял на берегу из рогатки по бутылкам. Обитатели пансиона жаловались управляющему: на пляже битое стекло. Тот передал жалобу жене, так как ко мне обратиться не решился.

Пансион был дорогой, фешенебельный. Никаких евреев. И вдруг — нате! На голову им сваливается Юджин Г. Хендерсон...

Дети перестали играть с моими близнецами, а дамы избегали Лили.

Жена пыталась урезонить меня. Мы были в нашем номере. Я в одних плавках. И тут она заводит разговор о битом стекле и моем неуважении к гостям пансиона.

Лили — умная женщина. Она никогда не повышает голоса, от нее не услышишь бранного слова. Зато она ну очень любит читать нотации. Прирожденный моралист, при этом она бледнеет и говорит почти шепотом — не потому, что боится меня, а потому, что сама переживает.

Поскольку ее доводы на меня не подействовали, она зарыдала. От ее слез я, потеряв голову, закричал: «Я застрелюсь! Вышибу себе мозги! Я не забыл взять с собой пистолет! Он у меня в кармане!»

— Господи, Джин! — вскрикнула она и, закрыв лицо руками, выбежала в коридор.

Сейчас скажу почему.

II

Потому что ее отец покончил жизнь самоубийством.

Застрелился из пистолета.

Помимо всего прочего нас с Лили связывает то, что у обоих никудышные зубы. Она, как и я, носит мост, хотя на двадцать лет младше меня. Лили потеряла четыре верхних резца еще школьницей, когда играла в гольф с отцом. Папаша ее был закоренелый пьянчуга, в тот день так налился, что вообще не должен был выходить на поле. Не глядя по сторонам, безо всякого предупреждения он замахнулся клюшкой и попал дочери по лицу. Меня всего передергивает, когда думаю о том злосчастном июльском дне, окровавленной пятнадцатилетней девочке. Будь прокляты пьянчуги-слабаки! Особенно те, кто старается показать, как они переживают... Лили жалела отца. Я никогда не слышал от нее дурного слова о нем. Она и сейчас носит его фото в портмоне.

Лично я его не знал. Отец Лили умер лет за десять до того, как мы познакомились. Вскоре после его смерти Лили вышла замуж за какого-то типа из Балтонмора, человека, по ее словам, с хорошим общественным положением. Потом у них что-то не заладилось, и во время войны они развелись (я в это время воевал в Италии). Лили вернулась домой, в Данбери, столицу шляпного производства, где жила с матерью.

Так случилось, что однажды зимним вечером мы с Френсис отправились в Данбери в гости.

Френсис поехала неохотно. В то время она состояла в переписке с каким-то европейским интеллектуалом. Френсис большая любительница книг, писем и неисправимая курильщица. Когда у нее случался очередной приступ занятий философией или чем-нибудь в таком же роде, мы с ней мало виделись. Она запиралась у себя в комнате, курила одну сигарету за другой, надрывно кашляла и писала, писала. Так вот, мы поехали в гости, а на нее опять напала интеллектуальная горячка. Посреди шумного застолья жена вдруг вспомнила о каком-то неотложном деле, взяла нашу машину и, позабыв обо мне, укатила домой.

Среди присутствующих мужчин я был единственным в выходном вечернем костюме: темно-синий смокинг с галстуком-бабочкой. У меня было такое ощущение, будто на мне целый акр темно-синего сукна. Лили, с которой нас только что познакомили, была в зеленом, словно под Рождество, платье с красными полосами.

После недолгой приятной беседы она предложила прокатиться. Я сказал: «О'кей», — и мы по свежесвыпавшему снежку зашагали к ее машине. Ночь была прозрачная, звездная, снег поскрипывал под ногами. Лили поставила свой автомобиль на холмике. Когда мы съезжали с него, машину занесло, Лили испуганно вскрикнула: «Юджин!» — и обняла меня. Насколько я мог судить, кругом не было ни души. Голые руки под меховым жакетом обнимали меня. Машина юзом съехала в сугроб. Я выключил зажигание. Луна светила вовсю.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил я.

— Кто не знает Юджина Хендерсона? — отозвалась она.

Мы еще малость поболтали, и вдруг она заявила:

— Тебе нужно развестись со своей женой.

— Ты понимаешь, что говоришь? Я тебе в отцы гожусь...

Больше мы с Лили не виделись. До лета. Я приехал в Данбери купить досок для нового сарая и у одного магазина встретил Лили — она тоже делала покупки. На ней было белое пикейное платье, белые туфли и шляпка. Накрапывал дождь, и она попросила довести ее до дома. Показала мне дорогу, но разнервничалась и стала путаться. Она очень хороша, когда нервничает. Тем временем сделалось душно, приближалась гроза. Мы заехали в какой-то тупик. Небо быстро потемнело, хлынул ливень. «Куда ты заехал? Мне домой надо!» — чуть не плакала Лили.

Наконец мы добрались до места. Небольшой дом, внутри духота, как в жару. За окном гремела гроза.

— Мама у подруги, играет в бридж. Надо позвонить ей, сказать, чтобы осталась там ночевать. Не тащиться же в такую погоду. Телефон у меня в спальне.

Лили отнюдь не распушенная женщина, уверяю вас, не сторонница свободной любви.

Сняв платье, она сказала дрожащим голосом:

— Я люблю тебя, слышишь, люблю!

Мы обнялись, и я сказал себе: «Меня любят, любят!» На улице очередной раз гроыхнуло, дождь заливал крыши, деревья, тротуары. Ослепительно сверкнула молния. От тела Лили веяло теплом и запахом свежеиспеченного хлеба. Она не переставала повторять: «Люблю! Люблю!» Темнело. Небо по-прежнему было затянуто тучами.

В гостиной сидела ее мать. Лили позвонила и сказала ей, чтобы она не приходила домой. Та, конечно же, немедленно оторвалась от игорного стола и поспешила к родным пенатам. Несмотря на сильнейшую за много лет грозу.

Появление пожилой дамы мне не понравилось, не то чтобы я испугался — просто увидел в этом недобрый знак. Ведь Лили уверяла, что о наших отношениях никто не узнает.

Я первым сошел сверху и первым увидел включенный торшер у большого старинного дивана. Спустился и сказал: «Позвольте представиться, моя фамилия Хендерсон».

Передо мной была плотная женщина посредственной наружности. Собираясь в гости, дама накрасилась как фарфоровая куколка. Она была в шляпке, на полных коленях лежали кожаная сумочка и блокнот. Было ясно, что мать мысленно перечисляла прегрешения дочери: «В моем доме... с женатым мужчиной...» и так далее, и тому подобное. А Лили вся светилась, будто гордясь тем, чего ей удалось добиться.

Я сидел как ни в чем не бывало, в небрежной позе, широко расставив ноги в башмаках, пощипывал усы и думал, что у дома стоит мой фургон с до-

сками. В комнате ощущалось незримое присутствие мистера Симмонса, отца Лили, торговца водопроводным оборудованием. Он застрелился в комнате, прилегающей к спальне дочери. В смерти отца Лили винила мать, а я был словно орудием, средством выразить ее неудовольствие. «Ну нет, приятель, — сказал я себе. — Такие штучки не для меня».

Поначалу казалось, что хозяйка дома решила оставаться в рамках приличия. Но потом не сдержалась и сказала:

— А я знаю вашего сына.

— Правда? Стройного молодого человека? Эдвард бывает в Данбери по делам. Он на красной малолитражке ездит.

На прощание я сказал Лили:

— Ты симпатичная и взрослая женщина, но не должна так вести себя по отношению к матери.

Пожилая дама сидела, не сводя с нас глаз.

— До свидания, Юджин, — сказала Лили.

— Будьте здоровы, мисс Симмонс.

Прощание было прохладным. Тем не менее мы скоро встретились вновь, уже в Нью-Йорке. Лили уехала из Данбери, оставив мать одну, и сняла квартирку на улице Гудзона в доме без горячей воды, где помимо всего прочего обитали бомжи и пьянчуги. Я поднимался по грязной лестнице в лайковых перчатках, с лицом, потемневшим от сельского загара и выпивки. Внутренний голос не умолкая твердил: «Хочу, хочу, хочу, давай двигай, двигай, двигай!» И я взбирался по лестнице в подбитом мехом пальто, в штиблетах из свиной кожи и с кожаным бумажником в кармане, взбирался,

изнывая от похоти и недовольства, уставив воспаленный взгляд на верхнюю площадку, где ждала Лили. Полноватое лицо было бледным, чистые глаза смотрели с прищуром.

— Черт побери! Как ты можешь жить в этой вонючей дыре?! — приветствовал я свою возлюбленную.

Все в доме было старое, нищенское. Темно-фиолетовые стекла в дверях, общий туалет в коридоре на несколько квартир, цепочка спуска воды проржавела и позеленела от времени.

Лили водила дружбу с обитателями трущоб, помогая старикам и особенно матерям-одиночкам. Позволяла им держать молоко и масло в своем холодильнике, заполняла им документы по социальному обеспечению. Делая добро неприкаемым иммигрантам, она, вероятно, хотела показать, какими хорошими бывают американцы.

Запах в доме словно прилипал к лицу. Добравшись до верхней площадки, я пожаловался:

— Фу! Совсем нечем дышать!

Мы вошли в ее квартиру, тоже грязноватую, но по крайней мере хорошо освещенную.

Мы присели поговорить. Лили сказала:

— Ты что, собираешься прожить жизнь впустую?

С Френсис все было кончено. После моего возвращения из армии у нас почти не осталось ничего общего. Однажды утром на кухне состоялся разговор, в результате которого мы окончательно расстались. Разговор был короткий, всего несколько слов. Примерно так: